

БОГОЛЮБСКАЯ.

Разсказъ.

I.

Солнце спустилось за церковь. Длинная, густая тѣнь отъ нея тянется до гостиницы, окна которой тоже въ тѣни, и только слуховое горитъ золотымъ пожаромъ. Стайки стрижей съ пронзительнымъ пискомъ носятся вокругъ церкви, галки выются надъ куполами, кто-то ѣдетъ на парѣ сивыхъ лошадей по пыльной дорогѣ за оврагомъ. Монастырь новый, построенный всего лѣтъ двадцать назадъ; кругомъ не каменная стѣна, какъ у старинныхъ монастырей, а деревянный заборъ, выкрашенный свѣтло-желтой краской. На восточной сторонѣ храма, у алтаря, усыпальница игуменій,—маленькая часовенка подъ желѣзной крышей, вся изъ рамъ съ разноцвѣтными стеклами. Похоронена только одна игуменья, для двухъ другихъ приготовлены мѣста. Около усыпальницы толпа богомольцевъ, въ большинствѣ простыхъ людей, мужиковъ и бабъ изъ окрестныхъ деревень и сель; мелькаютъ типичныя фигуры профессиональныхъ странниковъ и странницъ.

— Матушка, Владычица! Страсть-то какая,—нараспѣвъ тянеть еще не старая баба съ плотно обвязанной темнымъ платкомъ головой. Она зашла въ усыпальницу и смотритъ на небо въ красное стекло.

— Иди-кось, Марька, погляди, какъ въ останний-те день будеть... Ровно кровь вездѣ,—приглашаетъ баба нерѣшительно стоящую у входа въ усыпальницу беременную молодку. Марька пугливо озирается по сторонамъ, нерѣшительно переступаетъ порогъ усыпальницы и припадаетъ къ стеклу. Снаружи виденъ красный расплющенный носъ и два испуганныхъ глаза. Марька нѣсколько секундъ смотритъ въ красное стекло, потомъ въ со-

сѣднее—синее, потомъ повыше—въ зеленое, тяжело вздыхаетъ и выходитъ изъ усыпальницы, вытирая рукавомъ не то глаза, не то носъ.

— Страшно? — спрашиваетъ круглолицая, веселая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

— Не... такъ,—лѣниво тянетъ Марька.

— Ишь, какая непугливая! Вотъ, погоди, останный-то день придетъ, такъ спужаешься небось,—сердито тараторить старуха-странница.—Посмотрите, православные, посмотрите... Ей не страшно, безстрашная больно, а вы посмотрите-ка сами-то...

Въ усыпальницу идетъ высокій, прямой старикъ въ растрепанныхъ, словно расцвѣтшихъ лаптяхъ. За нимъ угрюмый, горбатый мужикъ, потомъ гурьбой двигаются бабы.

— Вы не сразу, а помаленьку. Нельзя сразу-то...—равнодушно уговариваетъ стоящая въ сторонкѣ молоденькая послушница, совсѣмъ еще дѣвочка. Она давно стоитъ тутъ. Лицо блѣдное, болѣзненное, незамѣтное, тонкія, блѣдныя губы плотно сжаты, гемно-каріе, большіе, миндалевидной формы, глаза смотрятъ печально и пытливо въ даль ржаного поля, раскинушагося по ту сторону оврага, за узкой лентой дороги. Дѣвушка худенькая, некрасивая, только глаза притягиваютъ. Они кажутся еще больше на маленькомъ личикѣ и свѣтятся внутреннимъ огнемъ; посмотришь въ эти глаза, и покажется, что дѣвушка горитъ вся, горитъ и не стораеть, какъ неопалимая купина...

Густой ударъ колокола падаетъ съ колокольни, и медленно, торжественно гудитъ предвечерній, уже теряющій знойность воздухъ. Богомольцы крестятся, мелькаютъ руки, а колоколъ, словно убѣдившись въ красотѣ и силѣ своего голоса, все чаще и чаще посылаетъ другъ за другомъ гулкіе удары, и въ отвѣтъ имъ торжественно гудятъ безбрежныя поля за оврагомъ, стоголосымъ эхомъ откликается лѣсъ, съ трехъ сторонъ окружившій монастырь зеленой, таинственно шумящей ратью.

Въ промежутокъ между двумя ударами большого колокола вплелись задорные переливы маленькихъ колокольчиковъ. Изъ гостиницы стали выходить богомольцы, прошелъ, откашливаясь, молодой, румяный священникъ. Изъ садика выплыла бѣлолицая дородная монахиня въ клубукѣ; длинный черный шлейфъ платья волочился за ней, поднимая прозрачную сѣрую пыль; встрѣчныя монахини кланялись ей въ поясъ.

— Это что,—игуменья, что ли?—шопотомъ спросили въ толпѣ.

— Нѣтъ, казначея...

Молоденькая послушница подошла къ казначеѣ подь благо-

словеніе и, цѣлая бѣлую, пухлую руку, спросила тихимъ, съ блѣзненной хрипотой, голосомъ:

— Говорили матушкѣ? Что сказала она?

— Не говорила еще, забыла совсѣмъ... Да куда ты торопишься? Ну-ну, перестань кукситься-то! Скажу, можетъ, сегодня за все-нощной, скажу...

Потрепала послушницу по блѣдной щекѣ и пошла въ церковь, медленно перебирая четки. Не торопясь, пошли въ церковь и богомольцы. Колокола вскрикнули все вразъ и смолкли. Изъ лѣса долетѣлъ стонущій голосъ кукушки, въ кустахъ по склону оврага защелкалъ соловей, гдѣ-то далеко-далеко, среди полей, залаяла собака.

Въ церкви было тѣсно и жарко, въ отворенныя окна и двери струился посвѣжѣвшій ароматный воздухъ, но въ глубь не проникалъ онъ, и въ церкви пахло потомъ, горѣлымъ деревяннымъ масломъ и ладаномъ. Въ центрѣ, какъ разъ подъ Богомъ Саваоомъ, смотрѣвшимъ съ купола на молящихся, стоялъ кіотъ съ чудотворной иконой Владимирской Божіей Матери. Темный ликъ иконы едва виднѣлся среди всевозможныхъ украшеній, ярко сверкала вызолоченная риза, бѣлѣли расшитыя шелками полотенца. Передъ иконой стоялъ массивный подсвѣчникъ съ пудовой свѣчой и множествомъ маленькихъ свѣчъ, огни которыхъ казались тусклыми въ яркомъ свѣтѣ косыхъ лучей заходящаго солнца, упирившихся прямо въ икону. Пожилая плоскогрудая монахиня то и дѣло тушила едва обгорѣвшія свѣчи и ставила новыя. На ступенькахъ у кіота лежала большая груда ждавшихъ очереди свѣчей, а богомольцы подавали все новыя и новыя.

Пѣлъ хоръ монахинь. Мягкіе женскіе басы тонули въ мелодичныхъ волнахъ альтовъ и дискантовъ. Молодой румяный священникъ ходилъ медленно и плавно; косматый, тучный дьяконъ произносилъ ектенію негнуцимся, тяжелымъ басомъ.

Въ передней части церкви, тотчасъ за клиросами, были устроены два возвышенія съ балдахинами,—направо мѣсто игуменьи, налѣво—казначей. Монахини, проходя по церкви, каждый разъ кланялись въ поясъ игуменьѣ, потомъ казначеѣ. Игуменья, маленькая, сухая женщина, истово молилась, не спуская глазъ съ иконостаса; казначея часто озиралась по сторонамъ. Когда звонкоголосая послушница начала читать шестопсалміе, казначея медленно сошла съ возвышенія и направилась къ мѣсту игуменьи. Игуменья пошла къ ней навстрѣчу и отошла отъ сво-

его возвышенія какъ разъ надлину шлейфа. Монахини сошлись и, склонившись другъ къ другу, начали шептаться; черные шлейфы растянулись почти во всю ширину церкви, и оправлявшимъ свѣчи монахинямъ приходилось обходить ихъ около самага возвышенія съ мѣстомъ казначей.

Пошептавшіяся матушки разошлись. Казначей, придя на свое мѣсто, обернулась, искала въ рядахъ монахинь молоденькую послушницу и, найдя, улыбнулась ей, потомъ поманила пальцемъ проходившую мимо монахиню съ пукомъ обгорѣлыхъ свѣчей и что-то шепнула ей.

— Завтра послѣ обѣдни—къ матушкѣ,—сказала монахиня, поровнявшись съ молодой послушницей. Та вздрогнула и поглядѣла испуганно на черную, прямую фигуру игуменьи, потомъ перевела глаза на казначею и, встрѣтивъ ее ласковый, ободряющій взглядъ, успокоилась.

Всенощная кончилась поздно, на западѣ горѣла уже поблѣднѣвшая заря, рѣдкія звѣзды блистали въ поблекшей вышинѣ, въ кустахъ на оврагѣ пѣли соловьи. Послушница прошла въ дальній конецъ монастыря, къ водокачкѣ, и сѣла тутъ на грудѣ свѣжихъ, пахнущихъ смолой бревенъ. За водокачкой былъ обширный пустырь, только этой весной огороженный заборомъ. Чернѣли пни недавно срубленныхъ деревьевъ, смутными призраками стояли забытыя топоромъ дровосѣка березки, пахло смолой и цвѣтами. Тихо было кругомъ, тихо и на водокачкѣ,—ночью работа не производилась, а днемъ непрерывно слышался жалобный скрипъ огромнаго колеса, которое вертѣла, устало переступая по его поверхности, старая гнѣдая лошадь. За высокимъ, утыканнымъ гвоздями заборомъ сомкнутыми рядами стояли деревья; слабые шорохи, стуки и пiski долетали оттуда.

Печальный, стонущій звукъ маленькаго колокола мелодичными переливами покотился по лѣсу и заглушилъ робкіе звуки лѣсной жизни. Звонили къ трапезѣ. Послушница машинально встала и хотѣла итти, но, поколебавшись, махнула рукой и сѣла опять на старое мѣсто.

— Пусть ихъ ругаются,—прошептала она, подняла мягко блестящія въ полумракѣ большіе глаза къ потемнѣвшему небу и такъ застыла, словно искала чего-то въ звѣздной вышинѣ...

II.

Послѣ обѣдни игуменья и казначей пили чай со свѣжимъ земляничнымъ вареньемъ. Въ открытыя окна струился сладкій запахъ жасмина, канарейка въ высокой желтой клѣткѣ опьянѣла

отъ яркаго свѣтаи, казалось, вотъ-вотъ исчезнетъ, растворится вся въ звонкихъ серебристыхъ треляхъ; маятникъ старинныхъ часовъ выстукивалъ медленно и солидно.

— Почему же она именно Боголюбскую хочетъ писать?—спрашивала игуменья, наливая густой, душистый чай въ маленькія бѣлыя чашки.

— А это чтобы во весь ростъ... На чердакъ она была и большую доску тамъ увидала, одна и есть у насъ такая-то доска, вотъ и задумала... И еще говорить, что Царица Небесная во снѣ является ей, приказываетъ икону написать. Вотъ послѣ одного сна стала она образцы смотрѣть и тутъ узнала, что Боголюбская сѣ снится...

— Она вѣдь ничего еще не писала,—не справится, пожалуй?—замѣтила игуменья.

— Не писала—это вѣрно, однако сестра Александра говорить, что способности у Зины большія. До сихъ поръ она краски составляла, фонъ накладывала, ризы писала и другое, а карандашомъ она хорошо рисуетъ, я сама видѣла. Если и не напишетъ она иконы, то всетаки писать научится скорѣе, монастырю же вѣдь небольшой убытокъ, только и всего, что краски пропадутъ...

Разговаривали онѣ почти часъ. Сначала игуменья и слышать не хотѣла о разрѣшеніи шестнадцатилѣтней ученицѣ писать самостоятельно большую икону, но казначея настойчиво ходатайствовала за свою любимицу, и настоятельница поколебалась.

— Что, Зина пришла?—громко спросила казначея, когда убѣдилась, что упорство игуменьи сломлено окончательно.

— Пришла, матушка, давно сидитъ въ передней,—почтительно произнесла появившаяся въ дверяхъ послушница игуменьи.

— Ну, позови ее, Марьюшка,—приказала игуменья.

Робко вошла Зина, помолчилась въ передній уголъ, увѣшанный большими образами, въ поясъ поклонилась отдѣльно игуменѣ и отдѣльно казначеѣ, потомъ приняла отъ нихъ благословеніе и встала, потупившись, у стола.

Нѣсколько секундъ игуменья внимательно осматривала послушницу, потомъ отхлебнула изъ чашки, поставила ее на блюдечко и спросила:

— Икону хочешь писать?

— Да, матушка, благословите,—тихо произнесла Зина.

— Боголюбскую?

— Да, матушка...

— Справишься ли, смотри?

— Царица Небесная поможетъ... Благословите, матушка, исто-

сковалась я.—Зина взглянула на игуменью. Та отвернулась, не выдержавъ взгляда глубокихъ, влажныхъ глазъ послушницы, и взялась за чашку.

— Краски, смотри, зря не порть, старайся,—заговорила казначея,—я просила за тебя матушку, такъ ты не конфузъ меня...

— Постараюсь, матушка,—прошептала Зина.

— Ну, хорошо, пиши. Я скажу сестрѣ Нимфодорѣ, чтобы дала тебѣ красокъ и большую доску,—не глядя на послушницу, произнесла игуменья. Въ большихъ, печальныхъ глазахъ Зины сверкнулъ радостный огонекъ.

Отъ игуменьи Зина словно по воздуху летѣла. Осуществлялась ея мечта, завтра она станетъ писать икону... Ей хотѣлось сейчасъ же, сію минуту бѣжать въ живописную и стать за мольбертъ, а приходилось ждать цѣлый длинный-длинный день и ночь. Зина мѣста себѣ не находила отъ нетерпѣнія, бродила по монастырю, выходила въ лѣсъ, побывала на лѣсномъ хуторѣ въ двухъ верстахъ отъ монастыря, слазила на самое дно оврага, гдѣ струился крохотный свѣтлый ручеекъ. Встрѣчныя монахини провожали ее удивленными взглядами, пораженныя необычнымъ выраженіемъ счастья на ея лицѣ, рѣдко появлявшейся улыбкой. Ночь Зина не спала, металась на узкой, жесткой койкѣ въ душевой келейкѣ живописнаго корпуса, смѣялась и плакала, представляя свою будущую икону. Встала съ зарей; сѣла на послѣдней ступенькѣ широкой лѣстницы у дверей въ мастерскія во второмъ этажѣ живописнаго корпуса и ждала прихода сестры Нимфодоры и другихъ сестеръ-живописецъ. Только что взошедшее солнце черезъ большое венеціанское окно въ концѣ коридора ласково пригрѣвало спину, томная теплота разливалась по тѣлу, глаза слипались.

Пришедшія раньше всѣхъ дѣвочки-послушницы разбудили Зину и смѣялись надъ тѣмъ, что никакъ не можетъ она очнуться. Пришли сестры-живописицы, сходили къ Нимфодорѣ за ключомъ и отперли мастерскія. Сама Нимфодора пришла черезъ часъ и на просьбу Зины выдать ей доску и краски заявила, что ничего отъ игуменьи объ этомъ не слышала. Обойдя мастерскія, Нимфодора пошла къ игуменьѣ спрашивать относительно Зины—и пропала. Всѣ глаза проглядѣла Зина, поджидая Нимфодору, но до трапезы она такъ и не пришла.

Послѣ трапезы Нимфодора легла отдыхать и вышла изъ кельи прямо къ вечернѣ. Зина ничего не ѣла весь день и едва держалась на ногахъ отъ волненія и слабости. За вечерней казначея

обратила вниманіе на блѣдность Зины и, узнавъ, въ чемъ дѣло, переговорила съ Нимфодорой.

Послѣ вечерни двѣ послушницы внесли большую доску и поставили ее на мольбертъ въ дальнемъ углу запасной мастерской. Выдавая Зинѣ краски и кисти, сердитая Нимфодора ругалась себѣ подъ носъ, называя Зину „наушницей“, но та не обратила на это никакого вниманія, схватила краски и побѣжала къ мольберту. Ей сейчасъ же хотѣлось начать писать икону, но приходилось уходить, такъ какъ мастерскія уже запирали.

Зина постояла на крыльцѣ живописнаго корпуса и пошла за водокачку, навстрѣчу нежаркимъ лучамъ заходящаго солнца. На полдорогѣ вспомнила, что нужно поблагодарить казначею, и, тяжело вздохнувъ, пошла къ ней. Не любила она ходить къ казначеѣ, а та часто зазывала ее къ себѣ и была съ ней очень ласкова, но именно излишняя-то ласковость казначей и была непріятна Зинѣ. Казначейя не была исключеніемъ,—многія монахини питали особую нѣжность къ молоденькимъ послушницамъ, въ монастырѣ ихъ звали „усердными“.

„Усердныя“ дарили своимъ симпатіямъ тонкія батистовыя рубашки, отдѣланныя кружевами и прошивками, носовые платки съ замысловатой строчкой, расшитыя полотенца, четки и т. д., кормили ихъ сладостями, поили чаемъ съ вареньемъ. Многія послушницы охотно шли навстрѣчу ласкамъ „усердныхъ“, но именно такихъ меньше всего любили тѣ. Зина избѣгала „усердныхъ“, заманить ее въ келью было трудно, и потому къ ней больше всѣхъ приставали. Нѣкоторыя проявляли изумительное постоянство своихъ симпатій къ ней, но большинство послѣ первыхъ же неудачъ возненавидѣло недотрогу. Въ числѣ послѣднихъ была и старшая живописной, сестра Нимфодора, женщина рослая, грубая, съ мужскими манерами.

Ночь Зина спала тревожно. Снилось будущая икона, а подъ утро—послушникъ Михаилъ, кудрявый, красивый юноша, съ глубокимъ груднымъ голосомъ, въ свѣтломъ стихарѣ, похожіи на ангела. Онъ подошелъ къ Зинѣ и сталъ нѣжно гладить ей волосы. Отъ чувства глубокой, нѣжной благодарности къ Михаилу за его неожиданныю ласку и проснулась Зина, проснулась въ слезахъ.

Видѣла Зина Михаила прошедшей зимой, когда пріѣзжалъ въ монастырь на два дня архіерей. Двухъ словъ не сказала съ Михаиломъ, видѣла только въ церкви, а полюбила всею душой, и казался онъ такимъ близкимъ, дорогимъ, желаннымъ, словно знала его много-много лѣтъ, всю жизнь прожила съ нимъ.

Ранней весной, когда душа тосковала въ одиночествѣ, когда безпокойное желаніе убѣжать куда-то, гдѣ ждетъ ее любовь и ласка, не давало спать Зинѣ, она изобразила Михаила архангеломъ, грозящимъ огненнымъ мечомъ убѣгающимъ бѣсамъ, фигуры которыхъ нечаянно вышли похожими на фигуры казначей, Нимфодоры и другихъ „усердныхъ“. Зина изорвала рисунокъ, но тогда же явилась у нея мысль написать икону. Сначала хотѣла написать архангела Михаила, но потомъ приснилась Богоматерь, и столько было въ глазахъ Предвѣчной Матери любви и свѣтлой скорби, что Зинѣ захотѣлось умереть у Ея ногъ, и она рѣшила написать Богоматерь такой, какой Она явилась ей во снѣ, а потомъ уже Михаила архангела...

Едва отперли мастерскія, Зина принялась за работу и не отрывалась до трапезы. Работала она въ запасной мастерской, заставленной банками, старыми иконами, мольбертами, работала одна, изрѣдка приходили только послушницы взять что-нибудь или пошептаться въ уголку. Въ сосѣдней большой мастерской и на другомъ концѣ ея, въ малой, работало много сестеръ, шли разговоры, слышался смѣхъ, пѣли молитвы. Нимфодора нарочно помѣстила Зину въ запасной мастерской, чтобы досадить ей, но Зина была очень довольна своимъ мѣстомъ, гдѣ никто не мѣшалъ ей работать.

III.

Работа не спорилась, нѣсколько разъ Зина замазывала написанное и принималась писать снова. Нимфодора допекала ее язвительными замѣчаніями и жаловалась игуменѣ, но казначея горячо защищала Зину, и ей поневолѣ приходилось ходить къ той.

Лѣто проходило. Въ воскресенье, гуляя въ лѣсу, Зина поражалась, какъ все измѣнилось за недѣлю, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ рѣзче были эти измѣненія. Желтѣли и падали листья, рѣдѣли зеленныя чащи, въ голубой, похолодѣвшей вышинѣ летѣли на югъ журавли и гуси, ласточки сбивались въ хлопотливую, шумную стаю; ярко краснѣли гроздья рябины, появились стаи дроздовъ и чижей.

Въ октябрѣ, когда уже лежалъ въ поблекломъ полѣ бѣлыми пятнами снѣгъ, Зина соскоблила съ доски не только послѣдній набросокъ иконы, но и весь грунтъ, а потомъ цѣлую недѣлю терла доску наждачной бумагой; доска стала гладкой и дѣвственно-чистой, какъ въ началѣ работы. Пришла Нимфодора. Она съ мѣсяцъ уже не заглядывала къ Зинѣ, такъ какъ къ величайшей

досадѣ ея послѣдній набросокъ иконы очень удался. Взглянувъ на чистую доску, Нимфодора ахнула, всплеснула руками и побѣжала съ докладомъ къ игуменьѣ.

Черезъ часъ она вернулась и, стараясь казаться равнодушной, скрывая злобную радость, сверкавшую въ сѣрыхъ, колючихъ глазахъ, звучавшую въ голосѣ, сказала Зинѣ:

— Матушка приказала отобрать отъ тебя краски и доску и опять поставить ученицей къ сестрѣ Александрѣ.

Зина страшно поблѣднѣла, положила палитру и обернулась. Хотѣла сказать что-то, но только крикнула „Михаилъ“ и упала на полъ. Съ ней начался припадокъ падучей.

Вечеромъ Зина пошла къ казначеѣ, униженно просила ее хлопотать разрѣшеніе опять писать икону, горько плакала и цѣловала руки.

— Да зачѣмъ же ты соскоблила-то все?—недоумѣвала казначея.—Вѣдь почти всѣ иконы у тебя хорошо выходили, а ты все недовольна. Только первая не поправилась мнѣ, а остальные со всѣмъ хорошо были написаны, особенно послѣдняя...

— Непохожи онѣ, матушка...

— На что непохожи? Опомнись, что ты говоришь...

— Непохожи на ту Богородицу, которая мнѣ во снѣ являлась...

— А!... Ну, хорошо, выхлопочу я какъ-нибудь, но только, чтобы въ послѣдній разъ, и то ужъ Нимфодора на меня бѣда какъ злится... А теперь перестань плакать-то, кофейку сейчасъ попьемъ. Горюша ты моя, исхудала-то какъ...

Казначея обняла Зину, плотно прижалась къ ней всѣмъ своимъ пышнымъ тѣломъ и жарко дышала въ лицо. У Зины закружилась голова, и сердце заняло, какъ давеча, передъ припадкомъ...

Только черезъ мѣсяцъ удалось казначеѣ уговорить игуменью, и то лишь благодаря тому, что казначея заплатила монастырю за бесполезно истраченные Зиной краски. Все время, пока тянулись нудные переговоры, Зина ходила, какъ помѣшанная, каждый вечеръ приходила къ казначеѣ справиться о результатахъ, и казалось ей иногда, что казначея нарочно затягиваетъ переговоры.

Получивъ разрѣшеніе, Зина „прилипла къ доскѣ“, какъ говорили монахи, но въ первый день ничего не могла дѣлать,—такъ дрожали у нея отъ волненія руки. Начала работать медленно, осторожно, обдумывая каждый мазокъ, и всетаки нѣсколько разъ пришлось запово передѣлывать лицо Богоматери, въ осо-

бенности глаза. Окончательно разобидѣвшаяся Нимфодора со-всѣмъ не заглядывала къ Зинѣ, перестала ходить и казначея, не желавшая встрѣчаться съ Нимфодорой. Сестры-живописицы сначала ходили, но потомъ перестали, отчасти потому, что нечего было смотрѣть,—такъ медленно подвигалась работа у Зины, а главное, чтобы не сердить Нимфодору. Приходили въ запасную мастерскую только дѣвочки-послушницы, но на работу Зины онѣ не обращали никакого вниманія.

Монастырь занесло сугробами, богомольцы появлялись рѣдко, и только теперь, глубокой зимой, монастырь, дѣйствительно, можно было назвать „тихой обителью“; жизнь попряталась въ тѣсныя, жарко натопленные кельи, замеръ въ морозномъ снѣ окрестный лѣсъ. Особенно полной была тишина въ морозныя ночи; только гулкій хохоть филина да отвѣтный лай монастырскихъ собакъ нарушали ее, и казалось въ такія минуты, что вымеръ монастырь давнымъ-давно, много лѣтъ тому назадъ.

Всѣми забытая Зина успокоилась и вся ушла въ работу; иногда забывала пойти къ трапезѣ, а однажды заснула сидя, не слыхала звонка, извѣщавшаго объ окончаніи работъ, и ее заперли въ мастерскихъ на ночь.

Проснулась среди ночи и долго не могла сообразить, гдѣ она, потомъ удивилась, что такъ темно и тихо въ мастерскихъ, встала и пошла въ большую мастерскую. Остановилась на порогѣ, пораженная фантастической картиной.

Полная луна заливала огромную комнату яркимъ голубоватымъ свѣтомъ, рѣзко чернѣли на полу тѣни мольбертовъ, длиннымъ рядомъ стоявшихъ вдоль оконъ; сдѣланный изъ воска Серафимъ Саровскій, кормившій сухарями чучело медвѣдя, казалось, шевелился и собирался поглядѣть, кто это стоитъ въ дверяхъ въ такой неурочный часъ. Въ гулкой тишинѣ отчетливо раздавались всѣ звуки, что-то скрипѣло, слышался дробный топотъ и пискъ...

Замирая отъ страха, стояла на порогѣ Зина, боялась глядѣть на Серафима и не могла оторвать словно прикованныхъ къ нему глазъ. И вотъ Серафимъ обернулся, глянулъ на Зину своими мертвыми, восковыми глазами, зашевелились иконы на мольбертахъ... Зина дико вскрикнула и бросилась въ запасную мастерскую. Стоголосымъ замирающимъ эхомъ откликнулась ей звонкая пустота; когтистый топотъ послышался въ залѣ,—должно быть, медвѣдь по приказанію святого бѣжалъ за ней...

Въ углу, около своего мольберта, Зина пришла въ себя, сѣла на грудѣ рваной бумаги, поджала ноги и куталась въ тонкій пла-

токъ, пытаясь спастись отъ царившаго въ мастерскихъ холода. Въ окнѣ смутно бѣлѣло мертвое снѣжное поле, едва замѣтными пологими волнами убѣгавшее въ даль, туда, гдѣ все тонуло въ дымчатомъ блескѣ луны. Это свѣтлое марево медленно, но неуклонно приближалось къ окну, словно полая вода заливала темную землю...

Что-то случилось съ Зиной,—не то задремала она, не то глубоко задумалась, но, когда очнулась, все за окномъ ярко сверкало въ лунномъ сіяніи, только въ мастерской было еще темно. Поразительно быстро катилась луна. Вотъ заблестѣли стекла окна, узкая голубая полоска протянулась въ дальній уголъ мастерской, расплывчатая свѣтлыя пятна задрожали на потолкѣ, и вдругъ выглянуло изъ-за угла искривленное лицо луны; она словно искала нарушительницу ночного покоя мастерскихъ и теперь, найдя, торжествующе-злобно усмѣхалась...

Зина отвернулась къ стѣнѣ и закутала голову платкомъ, чтобы не видѣть и не слышать ничего. Чудилось ей, ходять за спиной, перешептываются, смѣются, почти касаются руками ея головы. Зина плотнѣй закутывается платкомъ, дрожить отъ холода и страха и до боли въ скулахъ сжимаетъ зубы, чтобы удержать готовый вырваться изъ груди безумный, пронзительный вопль...

На другой день за всеобщей у Зины былъ сильный припадокъ падучей, черезъ недѣлю припадокъ повторился. Румяный батюшка отчитывалъ Зину, монахини мазали ее масломъ изъ неугасимой лампы отъ мощей Сергія Радонежскаго, поили крещенской водой, но припадки случались все чаще, и послѣ нихъ Зина дня два бывала странной,—глаза становились неподвижными и до того печальными, что жутко было смотрѣть въ нихъ; дѣвушка не слышала, что говорятъ ей, и часто начинала говорить что-то совсѣмъ непонятное, заговаривалась. Нимфодора не разъ говорила, что нужно отобрать у Зины краски, но игуменья только руками махала на нее,—боялась она теперь трогать Зину.

Зима упорно сопротивлялась первымъ приступамъ весны и ночью, послѣ солнечнаго дня съ волнующимъ шорохомъ капелей, съ веселымъ чириканьемъ воробьевъ, словно раненый звѣрь, грохотала и была метелью; но весна одолѣвала, и съ каждымъ днемъ все труднѣй становилось зимѣ стирать слѣды ея теплыхъ поцѣлуевъ. Зина работала неровно: то цѣлые дни проводила за мольбертомъ, то по два, по три дня не прикасалась къ кистямъ и словно тѣнь бродила по монастырю. Безпокойная тоска сосала

сердце дѣвушки, и казалось все, что ждетъ Зину кто-то любимый и любящій, плачетъ и тоскуетъ по ней, настойчиво зоветъ ее. Особенно сильна была тоска послѣ припадковъ.

IV.

Снѣгъ растаялъ. Надъ грязно-желтымъ полемъ звенѣли жаворонки, въ оврагѣ весело бурлили ручей, надувались и лопались почки на деревьяхъ, острия иглы новой зелени дружно пробивались сквозь прошлогоднюю траву; разноголосный, радостный шумъ пробудившейся жизни не смолкалъ, а только слабѣлъ душистой бархатной ночью. Тоска Зины усилилась, стихала немного только за работой, но подошла Пасха, на двѣ недѣли прекратились работы въ живописной, и Зина совсѣмъ затосковала; ходила по монастырю до полного изнеможенія, часто засыпала на бревнахъ за водокачкой.

Однажды, послѣ вечерни, вышла Зина за ограду монастыря, повернула за гостиницу для богомольцевъ и углубилась въ лѣсъ. Подъ ногами мягко шуршали прошлогодніе листья, пахло березовыми почками; короткія незатѣйливья трели зябликовъ звенѣли, переливались въ чащахъ; хрупкіе, быстро вянущіе подснѣжники пестрѣли на полянкахъ, кое-гдѣ въ тѣни бѣлѣлъ снѣгъ. Зина шла и думала о своей матери, вспоминала ея фигуру, взглядъ, улыбку.

Мать была сельской учительницей, отца Зина не помнила, — умеръ онъ рано. Жили въ деревнѣ, въ двухъ верстахъ отъ монастыря. Зина часто бѣгала лѣтомъ въ монастырь вмѣстѣ съ деревенскими ребятишками, монахини знали ее, кормили вареньемъ и просфорами. Мать часто кашляла, хваталась за грудь и плакала. Когда Зинѣ минуло девять лѣтъ, мать стала готовить ее въ гимназію. Рассказывала о губернскомъ городѣ, о пароходахъ, чугункѣ, трамваѣ, но больше всего — о гимназій, гдѣ учится много дѣвочекъ. Зина съ нетерпѣніемъ ждала, когда поѣдутъ въ губернскій городъ, и она будетъ учиться вмѣстѣ съ другими дѣвочками въ гимназій, комнаты въ которой такія же большія, какъ въ живописномъ корпусѣ, въ монастырѣ. Но весной мать слегла. Пріѣхалъ докторъ, прописалъ порошки и дурно пахнувшія капли; когда уѣзжалъ, погладилъ Зину по головѣ и приказалъ старостѣ о чемъ-то написать ему.

Расцвѣла черемуха. Зина нарвала большой букетъ и въ банкѣ изъ-подъ варенья поставила на столикъ у постели матери. Мать поглядѣла на черемуху, понюхала ее и заплакала. Ночью мать разбудила Зину, подозвала къ кровати, положила ея руку на свою

грудь, въ которой что-то булькало и хрипѣло, и стала гладить ее своими горячими, сухими руками. Зинѣ хотѣлось спать, глаза слипались, а мать не отпускала ее, держала за руку...

Утромъ Зину разбудили голоса чужихъ людей. Сторожиха школы и бабушка-повитуха Матвѣвна мыли на полу совсѣмъ нагую мать. Зина испугалась, одѣлась кое-какъ и убѣжала въ монастырь, и не хотѣла итти домой. Мать похоронили на сельскомъ кладбищѣ. Послѣ похоронъ Зина опять ушла въ монастырь да такъ и осталась въ немъ.

Первое время въ монастырѣ было весело. Зина бѣгала на колокольню звонить вмѣстѣ съ звонаршами Варварой и Матреной, доставала изъ гнѣздъ воробьятъ и галчаты, гуляла въ лѣсу съ деревенскими дѣвочками, ходила съ ними въ деревню. Обѣдала вмѣстѣ съ большими въ трапезной. За длинными столами чинно сидѣли монахины, говорили шопотомъ, нагибаясь къ самому уху собесѣдницы. Посрединѣ стоялъ аналой, за которымъ протяжно читала толстую книгу монахиня, читала все время, пока обѣдали; всѣ ѣли, а она читала. Это очень смѣшило Зину, и она фыркала, брызгая супомъ, а монахины ругались.

Зимой опредѣлили Зину въ живописный корпусъ ученицей. Здѣсь тоже было весело. Интересовало, какъ изъ двухъ разныхъ красокъ получалась новая, не похожая ни на одну изъ прежнихъ; какъ на темно-голубомъ фонѣ доски появлялся носъ, глаза, лобъ... Въ первый же день Зина попробовала дорисовать неконченную сестрой Александрой икону; выбрала самую большую кисть, поводила ей по палитрѣ и мазнула тамъ, гдѣ нужно было нарисовать ухо. Краска получилась совсѣмъ необыкновенная, — вродѣ радуги, только еще пестрѣй. Зина мазнула еще и, увлекшись, начала мазать вдоль и поперекъ, изрѣдка отходя отъ иконы, какъ дѣлали это сестры, и любуясь своей работой...

За эту продѣлку Зину заставили вымыть лѣстницу въ живописномъ корпусѣ и цѣлую всюнощную простоять на колѣняхъ.

Съ четырнадцати лѣтъ къ Зинѣ стали приставать „усердныя“. Сначала ей нравилось это, такъ какъ усердныя дарили различныя вещи, кормили сладостями, но потомъ она стала тяготиться ихъ ласками, особенно послѣ того какъ увидѣла Михаила...

Зина вздрогнула и замерла. Показалось ей, что яркій свѣтъ сверкнулъ въ темной чащѣ. Вотъ сейчасъ выйдетъ на поляну Божія Матерь, а передъ ней съ огненнымъ мечомъ — Михаилъ...

Блѣдныя звѣзды сверкали на небѣ, тонкій серпъ луны путался въ густыхъ вѣтвяхъ высокой сосны, что-то мелодично и тихо журчало, словно играли глубоко подъ землей музыканты.

Зина опомнилась. Она въ лѣсу ночью, одна, монастырь уже заперли. Быстро побѣжала назадъ, но дорогу преградилъ глубокой, страшный оврагъ, на днѣ его глухо бурлилъ ручей. Зина заплакала и побѣжала вдоль оврага. Кто-то залиvisto гоготаль въ лѣсу. То не былъ филинъ,—Зина знала, какъ кричить филинъ, а этотъ гоготаль совсѣмъ по человѣчи...

Вышла на большую поляну, тутъ было свѣтлѣе и не такъ страшно. Низкія, курчавыя сосенки рассыпались по бутристой полянѣ, стояли по двѣ, по три, по одной. Зина выбрала сосенку погуще и сѣла подъ ней, съжившись, сколько могла. Далеко ли была эта поляна отъ монастыря, Зина не знала, никто не говорилъ объ этой полянѣ, и лѣсъ кругомъ былъ совсѣмъ особенный; должно быть, зашла Зина ужасно далеко, въ тотъ край лѣса, гдѣ живутъ разбойники. Придутъ они, убьютъ Зину, а то возьмутъ себѣ въ жены, и никто не узнаетъ объ этомъ... Иногда слышался дробный, гулкій топоть, и Зинѣ казалось, что это скачетъ верхомъ на лошади разбойникъ...

Подъ утро задремала Зина. Разбудилъ ее громкій, зловѣщій свистъ. Дѣвушка едва духъ переводила отъ ужаса, а тотъ снова свистнулъ, совсѣмъ близко, въ лощинкѣ, за густымъ кустомъ ракитника; у опушки откликнулся другой, потомъ словно захопалъ въ ладоши и засвистѣлъ протяжно и громко. Тотъ, въ лощинкѣ, откликнулся и вдругъ заурчалъ, какъ голубь.

— Тетерева это,—обрадовалась Зина.

Побѣлѣло въ лѣсу, чуть замѣтнымъ серебристымъ туманомъ курилась земля, нѣжно-розовая полоска зари виднѣлась межъ деревьевъ. Тетерева сошлись у ракитоваго куста и стали драться, черныя и бѣлыя перья летѣли изъ нихъ, а на поляну прилетали новыя тетерева, протяжно свистѣли, урчали, бѣгали другъ за дружкой, распушивъ хвосты, сердито трясли головами съ ярко-красными надглазниками. Прилетѣла сѣрая тетерка, сѣла на сосну и закокала, еще громче заурчали тетерева. Одинъ подбѣжалъ близко къ Зинѣ, нѣсколько мгновений разсматривалъ черную неподвижную фигуру, потомъ шумно взлетѣлъ и сѣлъ на сосну. Стали улетать и другіе, надъ дальней опушкой поднялось солнце. Зина встала и пошла въ ту сторону, гдѣ по ея расчетамъ долженъ былъ быть монастырь...

Утромъ хватились Зины, обыскали весь монастырь, спрашивали, не видалъ ли кто ее. Многіе видѣли Зину бродившей по монастырю, но никто не могъ понять, куда могла дѣться она. Сходили на хуторъ, но и тамъ ничего не узнали. Вечеромъ одна изъ

скотницъ, придурковатая старуха, сказала, что видѣла, какъ Зина пошла въ лѣсъ.

Только на третій день нашлась Зина,—сама пришла изъ лѣсу, измученная, полуживая, въ изорванномъ платьѣ. Какъ ни пытались узнать, гдѣ была она, ничего не добились. Зина упорно молчала, пугливо смотрѣла на всѣхъ большими, печальными глазами и молчала. Думали, что расскажетъ все потомъ, когда оправится, но Зина какъ будто совсѣмъ разучилась говорить, мычала только и объяснялась знаками. Цѣлые дни бродила она по монастырю и все что-то искала; въ мастерскія не заглядывала,—должно быть, совсѣмъ забыла объ иконѣ.

Нимфодора предлагала соскоблить написанное Зиной и поручить которой-нибудь изъ мастерицъ написать на доскѣ новую икону, но казначея запротестовала и пошла посмотрѣть работу Зины. Увидавъ икону, казначея пришла въ восторгъ и заявила, что никогда ничего подобнаго не видѣла. Пришла игуменья. Икону вынесли въ большую мастерскую и поставили лицомъ къ окнамъ. Богородица была, какъ живая, и казалось, вотъ-вотъ сойдетъ Она съ доски и поплыветъ по воздуху туда, въ безконечную даль, куда устремлены были Ея нечеловѣчески-скорбные, полные любви глаза. Икона была не закончена,—не было нарисовано монастыря на заднемъ планѣ и колѣнопреклоненнаго князя Андрея Боголюбскаго, а свитокъ въ рукѣ Богоматери былъ только едва намѣченъ.

— Поразительно,—не отрываясь отъ иконы, произнесла игуменья,—прямо, не вѣрится, чтобы Зина могла написать такъ...

— Не по уставу написано, матушка,—замѣтила Нимфодора,—лицо совсѣмъ человѣческое и глаза очень велики, а въ самой фигурѣ торопливость какая-то, нѣтъ величественности и строгости...

— Не по уставу—это вѣрно, а хорошо... И не кончена... Что же намъ дѣлать-то съ ней?

— Велите поставить ее въ церкви на хуторѣ,—предложила казначея,—церковь-то во имя мученика Леонтія,—память его въ одинъ день съ Боголюбской празднуется.

— И то! Такъ и сдѣлаемъ,—обрадовалась игуменья и, уходя, прибавила:—жалко Зину-то, совсѣмъ дурочкой стала...

Прошло шесть лѣтъ. Монастырь измѣнился,—на мѣстѣ деревяннаго забора появилась высокая кирпичная стѣна съ башенками, за водокачкой строили новую церковь, выстроили большую, трехъэтажную гостиницу, но жизнь не измѣнилась, попрежнему

текла она монотонно и медленно-медленно. Постарѣли монахини, возмужали послушницы, подруги Зины, но на ней прошедшіе годы совсѣмъ не отразились,—все такая же она была худенькая, блѣдная и даже не выросла нисколько, только мелкія морщинки появились около глазъ и съ каждымъ годомъ становились глубже. Способность рѣчи такъ и не возвратилась къ Зинѣ; объяснялась она знаками, иногда лепетала что-то, но понять ее было невозможно. Ходила по монастырю и все искала чего-то, копала ямки, осенью разворачивала сметенные въ кучи листья. Лѣтомъ цѣлыми днями пропадала Зина въ лѣсу, иногда и ночевала тамъ. Среди монахинь „изъ простыхъ“ царило убѣжденіе, что Зину любить лѣшій. Помаленьку начали обращаться къ Зинѣ богомольцы, имъ чудились какіе-то намеки въ ея невнятномъ лепетѣ. Ходили бабы, приносили пряниковъ, конфетъ, сдобныхъ лепешекъ. Зина сидѣла на травѣ и ѣла, бабы стояли кругомъ, умиленно вздыхали и терпѣливо ждали. Поѣвши, Зина начинала лепетать, бабы слушали, затаивъ дыханіе, многія плакали. Особенно хорошимъ признакомъ считалась улыбка Зины, но рѣдко улыбалась она...

И не однѣ бабы находили утѣшеніе у Зины. Вдовая купчиха Анна Павловна Похлебова, ѣздившая въ монастырь третье лѣто и щедро жертвовавшая на украшеніе храма и другія монастырскія нужды, много времени проводила съ Зиной, поила ее чаемъ, ходила съ ней гулять въ лѣсъ и все старалась понять ея лепетъ, но поняла только, что Зина потеряла что-то и никакъ не можетъ найти...

На третье лѣто Похлебова пріѣхала въ концѣ мая и собиралась прожить до Петрова дня; ѣздила она по монастырямъ въ надеждѣ найти исцѣленіе отъ своей болѣзни, отъ которой не могла вылѣчиться, сколько ни лѣчилась. Болѣзнь была странная,—доктора не находили никакой болѣзни, считали Анну Павловну здоровой, а между тѣмъ она покою не знала отъ тоски,—словно пиявка впиалась въ сердце купчихи, отпустить ненадолго и опять сосетъ; особенно донимала тоска въ бессонныя ночи. Доктора совѣтовали больше гулять и соблюдать діету, но это не помогало. Вотъ и стала Похлебова ѣздить по монастырямъ, мѣсяцами дома не бывала.

Семнадцатаго іюня спросила Анна Павловна казначею, куда собирается она ѣхать, и, узнавъ, что въ церковь на лѣсномъ хуторѣ, гдѣ служба бываетъ только разъ въ годъ, поѣхала съ ней. Церковь на хуторѣ была деревянная, маленькая, скорѣе часовня; построилъ ее въ честь своего ангела купецъ Леонтіи Савельичъ Пряхинъ, на томъ самомъ мѣстѣ построилъ, гдѣ хватилъ его ударъ, отъ котораго онъ оправился.

Всенощную служилъ старенькій священникъ, отецъ Памфилъ. Въ монастырѣ было два штатныхъ священника, оба еще молодые, а отецъ Памфилъ былъ сверхштатнымъ, служилъ рѣдко и жилъ въ монастырскомъ домикѣ за оградой вродѣ какъ изъ милости. Молящихся было совсѣмъ мало, но и тѣ едва помѣщались въ церковкѣ,—такъ тѣсна была она. Похлебова не могла оторвать глазъ отъ иконы Боголюбской Божьей Матери. На обратномъ пути казначея рассказала Аннѣ Павловнѣ исторію иконы.

На другой день Похлебова всю обѣдню простояла на колѣняхъ передъ Боголюбской, а послѣ обѣдни заказала молебенъ съ акаѣистомъ. И вотъ послѣ того, какъ помолилась Анна Павловна передъ Боголюбской, исчезла ея тоска, совсѣмъ исчезла, словно и не было ея никогда.

Зимой исцѣлившаяся купчиха привезла массивный подевѣчникъ съ пудовой свѣчой и серебряную лампаду. Въ церковкѣ было нестерпимо холодно, такъ какъ печи въ ней не было, молебенъ батюшка служилъ въ шубѣ, надѣтой подъ ризу. Послѣ молебна зажгли передъ иконой неугасимую лампаду.

Купчиха Похлебова всѣмъ, кто хотѣлъ слушать, охотно и многословно рассказывала о своемъ исцѣленіи. Слава Боголюбской росла съ каждымъ годомъ, все больше и больше приходило богомольцевъ въ маленькую церковку, отецъ Памфилъ совсѣмъ переселился на хуторъ, такъ какъ лѣтомъ молебны приходилось служить каждый день.

Черезъ три года послѣ исцѣленія Похлебовой уже пять неугасимыхъ лампадъ горѣли передъ новоявленной иконой, хотя официально ее и не признали еще чудотворной, хлопотали только объ этомъ. На Боголюбскую, 18-го іюня, въ монастырь собиралось богомольцевъ гораздо больше, чѣмъ на Владимирскую. Во время богослуженій около церковки на полянѣ стояла тысячная толпа молящихся, всю ночь непрерывной вереницей шли въ церковь желавшіе приложиться къ Богородицѣ, всю ночь монахини попеременно читали акаѣистъ.

На совѣщаніи у игуменьи рѣшено было поставить Боголюбскую въ новомъ храмѣ, который будетъ готовъ года черезъ три, а пока—устраивать 17-го іюня крестный ходъ на хуторъ, приносить икону въ монастырь и оставлять здѣсь до 24-го іюня. Нимфодора предложила поправить и закончить икону, но всѣ монахини въ одинъ голосъ признали недопустимымъ дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ иконѣ теперь, когда внѣшній видъ ея извѣстенъ тысячамъ богомольцевъ.

VI.

Уже съ утра 16-го іюня начинали прибывать богомольцы. Къ утру 17-го и новая и старая монастырскія гостиницы были набиты биткомъ, а богомольцы все прибывали; женщины размѣщались въ монастырѣ, мужчины—въ лѣсной сторожкѣ, въ кирпичныхъ сараяхъ и прямо подь открытымъ небомъ. Зинѣ покою не давали бабы, разыскивали ее въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ, куда убѣгала она, окружали плотнымъ кольцомъ, монотонно рассказывали свои поразительно одинаковыя у всѣхъ печали и горести и спрашивали совѣта, внимательно слушали невнятное, скорбное лепетанье юродивой.

Послѣ обѣдни огромная толпа богомольцевъ пошла слѣдомъ за духовенствомъ и монахинями на хуторъ за Боголюбской. Ярko блестяли на солнцѣ хоругви, мягко катилось по зеленымъ чащамъ пѣніе монастырскаго хора, все глуше и глуше звонили колокола.

Въ церковкѣ помѣстилось меньше половины монахинь; на особомъ, почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ игуменьей и казначеей, стояла Анна Павловна Похлебова. Служили молебенъ; богомольцы, плотной толпой стоявшіе на полянѣ, ничего не слышали, но молились усердно. Гдѣ-то, далеко-далеко, слабо громыхаль громъ, въ лѣсу куковала кукушка, чернымъ крестомъ висѣлъ надъ поляной ястребъ.

Кончился молебенъ, попарно выходили изъ церковки монахини, закачались, звякая металлическими подвѣсками, хоругви на паперти, глухое пѣніе хора становилось слышнѣе, по мѣрѣ того какъ подвигались къ выходу поющія, отчетливо зазвенѣли нѣжные голоса послушницъ на паперти, въ дверяхъ загудѣли басы, и, вырвавшись изъ тѣсной церкви, пѣніе побѣдной волной разлилось по полянѣ.

...„Надѣющіеся на Тя да не погибнемъ, но да избавимся Тобоу отъ бѣдъ“...

Высоко надъ толпой показалась икона. Она была безъ всякихъ украшеній, словно только что сняли ее съ мольберта. Говорили, что икона не принимаетъ украшеній,—пожертвованная однимъ изъ исцѣлившихся золотая кованая риза исчезла на глазахъ у всѣхъ,—превратилась въ дымъ и улетѣла. Такая же участь постигла и ризу, изготовленную на монастырскія деньги. Такъ и пришлось оставить икону безъ украшеній...

— „Къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ грѣшніи и смиренніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души“...

проникновенно гѣли мелодичные голоса. Словно вѣтромъ прибило къ землѣ толпу богомольцевъ, пронзительно завопила кликуша, жидко зазвонили маленькіе колокола на игрушечной колоколенкѣ...

На полверсты растянулось шествіе по широкой просѣлкѣ. Непрерывной черной вереницей стояли на землѣ согбенныя фигуры, и медленно плыла надъ ними большая икона, такая необычная въ своей дѣвственной простотѣ, поражавшая и умилявшая этой простотой своей дѣтскія, наивно-вѣрующія сердца. Чуть слышно звонили монастырскіе колокола, густой, трепетный гулъ отъ топота тысячъ ногъ медленно разливался по лѣсу, неся на своихъ волнахъ стройное гѣніе хора:

— „Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды“...

Въ церкви богомольцы стояли такъ плотно, что нельзя было молиться, окна и двери были открыты, но духота была такая, что свѣчи гасли отъ недостатка кислорода. Вышедшая подышать свѣжимъ воздухомъ Похлебова замѣтила прижавшуюся въ уголокѣ Зину и повела ее въ церковь боковыми дверями противъ мѣста игуменьи, гдѣ было сравнительно просторно, такъ какъ богомольцевъ этими дверями не пускали. Пришли къ началу акаѳиста. Глухо звучалъ голосъ священника:

— „Взбранной Воеводѣ, боголюбивой Царицѣ, превыше всякаго созданія, Дѣвѣ и Матери Христа Бога похвальная воспеуемъ Ти раби Твои, Богородице“...

Вдругъ пронзительный вопль раздался въ церкви. Всѣ обернулись къ плотному кольцу монахинь, окружавшему икону. Сквозь это кольцо старалась прорваться Зина. Она протягивала къ иконѣ дрожавшія руки, плакала и страннымъ, жуткимъ голосомъ кричала:—Моя! моя!!

Блѣдная Похлебова тянула Зину назадъ, двѣ монахини держали ее за руки, но Зина съ нечеловѣческой силой вырвалась отъ нихъ, разорвала кольцо монахинь и очутилась передъ иконой. Здѣсь она запаталась и упала, гулко стукнувшись головой о каменный полъ. Двѣ монахини подхватили ее подъ руки, третья взяла за ноги; толпа пугливо жалась, очищая узкій проходъ къ дверямъ.

Громкій шопотъ катился отъ иконы въ дальніе углы церкви, перескакивалъ отъ богомольца къ богомольцу: „Чудо... Нѣмая заговорила... Чудо“...

Голосъ священника, возобновившаго прерванное чтеніе акаѳиста, прозвучалъ въ мертвой тишинѣ:

...„да зовемъ Ты: Радуйся, боголюбивая Царице, надежда и прибѣжище наше!“

И хоръ монахинь пропѣлъ нестройно и взволнованно:

— „Радуйся, боголюбивая Царице, надежда и прибѣжище наше!“

У дверей завопила кликуша, словъ священника не было слышно, и только послѣдній возгласъ вырвался изъ объятій затихавшаго вопля:

...„Изъ глубины души благодаримъ Тя, нашу дивную Заступницу, воспѣвающе Богу аллилуія!“

— Аллилуія!—уже стройнѣй грянулъ хоръ.

Акаѳистъ продолжался. Тысячи глазъ съ надеждой и страхомъ смотрѣли на возвышавшуюся среди церкви Богоматерь, а Она, казалось, плыла въ кадильномъ дымѣ надъ головами молящихся и смотрѣла нечеловѣчески скорбными, полными нездѣшней любви глазами куда-то въ безконечную даль, какъ будто искала тамъ кого-то...

В. Мартовскій.